

<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2022-63-208-220>

УДК 821.161.1.0 + 81-26

ББК 81.2-3

Научная статья / Research Article

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2022 г. Г. И. Шляхова

г. Москва, Россия

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ СФЕРА МЕНТАЛЬНОСТИ В ПОЭТИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ ИГОРЯ СЕВЕРЯНИНА

Аннотация: В статье рассматривается развитие ментальной семантики у многозначных слов на материале поэзии Игоря Северянина. Лексика ментальной сферы исследуется отечественными и зарубежными учеными, специалистами в области семантики и смежных дисциплин, так как именно посредством ее употребления в языке отражается миропонимание наций и отдельных их представителей — авторов конкретных речевых высказываний. При частом употреблении в языке переносного значения слова такой лексико-семантический вариант (ЛСВ) становится узуальным, ментальная сема закрепляется в толковом словаре. Однако художественная (особенно поэтическая) речь характеризуется большей вариативностью значений. При авторском словоупотреблении в стихотворениях у слов, не имеющих узуального ментального значения, развивается новая семантика, существующая в конкретном контексте. Произведения Северянина как поэта, отводящего лексике ментальной сферы важное место в своем творчестве, оказываются очень показательны. Ряд слов, не имеющих ментальной семы согласно их словарным значениям, приобретая ее в контексте оказываются авторскими средствами художественной выразительности и семантическими неологизмами. В ряде других случаев наблюдается противоположное явление: семантический сдвиг, утрата лексемами в контексте их узуального ментального значения.

Ключевые слова: слова ментальной сферы, лексика, семантика, полисемия, переносные значения слов, лексико-семантические поля, идиостиль, лингвопоэтика, язык художественной литературы, Игорь Северянин.

Информация об авторе: Галина Игоревна Шляхова — аспирант, Литературный институт им. А. М. Горького, Тверской бульвар, д. 25, 123104 г. Москва, Россия. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-6618-4074> E-mail: galine_24@mail.ru

Дата поступления: 03.05.2021

Дата одобрения рецензентами: 15.09.2021

Дата публикации: 28.03.2022

Для цитирования: Шляхова Г. И. Лексико-семантическая сфера ментальности в поэтических текстах Игоря Северянина // Вестник славянских культур. 2022. Т. 63. С. 208–220. <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2022-63-208-220>

Введение

В областях языкознания, в первую очередь семантике, а также ряде смежных дисциплин (лингвокультурология, социолингвистика, психолингвистика и т. п.), в последние десятилетия обнаруживается высокий интерес к лексике ментальной сферы. Интерес этот вполне оправдан и обоснован, так как именно данный пласт лексики обозначает внутренний мир носителей языка, дает представление о нем в языковой картине мира.

Лексико-семантическое поле ментальной сферы в последние десятилетия является актуальным предметом лингвистических исследований во всем мире. В работах зарубежных авторов освещается проблема отражения в лексическом значении слов паттернов мышления (см., например, Ch. Hardy [15], J. Seguí [18]) и взаимосвязи мозговой активности и языкового сознания человека (например, [17; 20]). Являясь ярким выразителем сознания носителей определенного языка, лексика ментальной сферы представляет интерес для лингводидактики, так как ее анализ при освоении иностранного языка позволяет лучше понять картину мира народа изучаемого языка [19]. «Опыт отечественной лингвистики, как и трудами В. Гумбольдта, О. Есперсена, Ш. Балли, Э. Бенвениста, Г. Гийома и современных исследователей, укреплен научный интерес к человеку: и в общественно-историческом смысле — как к создателю языка, воплощающего картину мира, и в конкретном — как к говорящему лицу, производителю данного текста» [4, с. 20]. Современное состояние лексики ментальной сферы русского языка рассматривается многими учеными, в том числе за рубежом [16].

Выход слова за пределы своего лексико-семантического поля в другое, обусловленный развитием особого значения, которое объединяет это слово с другими на основании общего семантического признака, не свойственного слову в его узком употреблении, — одна из характерных черт поэтического словоупотребления. И именно на этой особенности расширения семантики слов и включения их в новые лексико-семантические связи строится расширение и усложнение смыслов (при малой форме) в поэтических текстах [2].

Методы и материал исследования

Поскольку лирика представляет собой «литературный род, выражающий мысли, чувства и переживания субъекта, провоцирующий у читателя (слушателя) иллюзию сопереживания и тяготеющий к стиховой форме» [5], поэтические произведения как в плане насыщенности соответствующей лексикой, так и в плане многообразия реализуемых в контексте значений наиболее полно раскрывают семантику ментальности. Таким образом, с одной стороны, творчество Игоря Северянина лишь вписывается в общие тенденции.

Вместе с тем частотный анализ словоупотреблений лексики ментальной сферы в стихотворениях И. Северянина позволяет пронаблюдать, что лексем с семантикой ментальности количественно доминируют в поэтическом языке эгофутуриста по сравнению с его современниками — другими поэтами «серебряного века». Согласно данным Национального корпуса языка [6], в авторском подкорпусе И. Северянина общим объемом в 56 982 слова с применением фильтра по семантическим признакам находим 1176 лексем со значением ментальной сферы и со значением *воля* психической сферы, из них 511 приходится на непредметные имена и 665 — на глагольные формы. Таким образом, процент словоупотреблений лексики с ментальной семантикой в стихотворениях И. Северянина, вошедших в подкорпус, составляет 2,08%. Этот показатель выше, чем в поэтическом подкорпусе эпохи Игоря Северянина в целом (аналогичный расчет по всем поэтическим текстам, созданным между 1900 и 1940 гг., дает цифру 1,49%),

и выше, чем у отдельно взятых поэтов — современников И. Северянина. Для сравнения результаты такого же расчета на основании данных Национального корпуса языка по другим авторам начала XX в.: А. Блок — 2,05%, В. Брюсов — 1,98%, Мирра Лохвицкая — 1,92%, К. Олипов — 1,7%, В. Маяковский — 1,2%.

Эти подсчеты дают основание говорить о преобладании лексики ментальной сферы в идиостиле Игоря Северянина и обуславливают исследовательский интерес к развитию в словах поэтических текстов эгофутуриста семантики ментальности. Кроме того, провозглашая лозунги основанной им поэтической школы эгофутуризма, первым из них И. Северянин формулирует: «Душа — единственная истина» [1], тем самым помещая внутренний мир лирического героя в центр творчества, что закономерно выражается на лексическом уровне превалированием слов ментальной сферы в лексиконе поэта.

Анализ и результаты исследования

У многих полисемичных лексем в ментальное поле входят лишь некоторые лексико-семантические варианты, каждый из которых реализует соответствующее значение при погружении в контекст.

Так, глагол *краснеть* согласно статье толкового словаря помимо буквального значения, передающего цветовую характеристику, имеет переносное — «стыдиться» [7, с. 461]. В произведениях Игоря Северянина первое значение можно встретить при описании природных явлений: например, в строке «*И покраснело солнце над лужайкой*» [8, с. 526] из стихотворения «Каприз царя», сборник «Миррэлия». Но чаще в лирике эгофутуриста присутствует переносное значение данного глагола; этот лексико-семантический вариант находим у И. Северянина в строке «*при встречах с девочками краснел*» [8, с. 872] из стихотворения «Страничка детства», сборник «Классические розы», где *краснел* употреблено в значении «смущался», которое весьма близко к переносному словарному значению «стыдиться».

Интересное контекстуальное соединение двух значений, прямого и переносного, глагола *краснеть* автор предлагает в заключительном катрене стихотворения “Charlotte Cordé” из сборника «Златолира»:

По мертвому лицу ее палач
Нанес удар и прочь отбросил тело,
Тогда от оскорбления, как кумач,
Лицо казненной в гневе покраснело [8, с. 199].

Здесь на основании сюжета ясно, что глагол *покраснеть*, употребленный для характеристики лица казненной, означает смену цвета и не может заключать в себе ментальную сему, так как героиня мертва, а значит, лишена сознания и эмоций. Тем не менее, чтобы подчеркнуть возмущение поступком палача, поэт вводит добавочное значение, уточняя, что лицо казненной покраснело от гнева. Это переносное контекстуальное значение не совпадает со словарным («стыдиться»), однако также демонстрирует фигуральный переход от цветовой характеристики к описанию внутреннего мира человека, так как сфера чувств семантически сближается и пересекается с ментальной сферой. При этом синтаксически сказуемое *покраснело* относится к подлежащему *лицо*; это существительное, обозначая часть тела и по грамматическим признакам являясь неодушевленным, сочетается со словами ментальной сферы для выражения морального состояния одушевленного субъекта — обладателя лица. Поскольку в стихотворе-

нии субъект — казненная героиня, употребление словосочетания *покраснеть от гнева* в отношении ее лица выступает средством художественной образности. Красный цвет в данном контексте превращается в символ, передающий чувство оскорбления, осквернения чести.

Полисемичная лексема *сон* при употреблении в поэтических контекстах также развивает различные ЛСВ. Как известно, в русском языке *сон* имеет два значения — физиологическое состояние покоя, при котором ослабевает деятельность сознания, и подсознательные видения, возникающие в спящем состоянии [8, с. 1113]. Обратимся к стихотворениям из сборника «Громокипящий кубок», в которых И. Северянин развивает в зависимости от поэтической идеи эти два ЛСВ. В ряде поэтических произведений очевидно отсутствие ментальной семантики у лексемы *сон*. *Сон* означает тишину, покой, бездвижность, отсутствие какой-либо активности: «*Пробудить ее невыспавшийся сон*» [8, с. 43] из стихотворения «Русская», «*Сон смерти — глуше, чем спит скала*» [8, с. 44] из стихотворения «Пасхальный гимн», «*Когда на озеро слетает сон стальной*» [8, с. 39] из стихотворения «Весенняя яблоня». При этом *сон* из физиологического состояния живого организма, которому соответствует первое узуальное значение в словарной статье, преобразуется в метафору, относящуюся к неодушевленным объектам, как в процитированных примерах. В других контекстах, напротив, бесспорно выделяется ментальная составляющая лексемы. Например, в строке «*Во сне со мной беседовали боги*» [8, с. 39] из стихотворения «Боги» слово *сон* употреблено в значении «видение, игра воображения». Тот же ЛСВ со значением фантазии, рисуемой подсознанием, но не существующей в действительности, лексема реализует в стихотворении «Балькис и Валтасар» [8, с. 81], где *сон* стоит в ряду однородных членов с двумя контекстуальными синонимами — *мечта* и *каприз*, принадлежащими в данном случае одному семантическому полю: «*Все это — сон, мечта, каприз...*». В ряде других словоупотреблений трудно разделить лексико-семантические варианты полисемичного слова и определить, какое же значение предполагал выделить автор. Например, в стихотворении «Полонез “Титания”» находим сравнительный оборот «*благоуханная, как детский сон*» [8, с. 66], и в поэтическом контексте нет уточнений, имеется ли в виду *сон* как безмятежный отдых ребенка или как яркие видения, посещающие детское сознание. В строках «*И тени их баюкают мой сон / В ночь летнюю, колдуя мозг певучий*» [8, с. 85] из стихотворения «Памяти Амбруаза Тома», с одной стороны, сказуемое *баюкают* позволяет рассматривать *сон* как погружение в бессознательное состояние и обретение лирическим героем покоя, а с другой — деепричастный оборот «*колдуя мозг певучий*» указывает на работу подсознания под влиянием теней литературных персонажей, перечисленных в стихотворении (Офелия, Гамлет, Вильгельм, Реймонд, Филина и Миньона [8, с. 85]) и, вероятно, снящихся лирическому герою.

Неоднозначность контекстуального толкования лексемы *сон* возникает и в стихотворении «Грасильда»:

Повсюду сон, везде туман,
Как обруч — голоса [8, с. 76].

Сами по себе эти строки не содержат информации о том, означает ли здесь *сон* повсеместное спокойствие или полную замену реальности подсознательными картинами. Предположить, что более вероятно второе толкование, можно лишь на основании интертекстуального анализа стоящей рядом и связанной со *сном* синтаксическим

параллелизмом лексемы *туман*, которая ассоциируется с ментальными понятиями — *обман, мираж, затрудненное понимание, отсутствие ясности мышления*. У И. Северянина можно найти такое словоупотребление в переносном значении в строке «Грядущее, — оно в тумане...» [8, с. 648] из стихотворения «Поэза душевной боли», сборник «Менестрель».

Другая полисемичная лексема, сочетающая среди своих ЛСВ ментальные и нементальные значения, — прилагательное *простой*. В монографии «Языковая картина мира и системная лексикография» приводится список лексико-семантических вариантов этого слова, в котором насчитывается 13 позиций [14, с. 766–777]. При этом три из них позволяют включить ЛСВ слова в ментальную сферу: *простой* в значении «несложный» (характеристика объекта с точки зрения сложности его изучения и понимания), *простой* в значении «нехитрый» (периферийное значение между интеллектуальными способностями и чертами характера) и *простой* в значении «неумный» (ЛСП *ум*).

Словоформы прилагательного *простой* несколько раз употребляются Игорем Северяниным в утопической эпопее «Солнечный дикарь».

Да здравствует словарь простейших слов,
Которые сердца приемлют наши! [9]

В данном случае глагол *приемлют*, содержащий в себе сему *понимание*, указывает на принадлежность прилагательного *простейших* к ментальной сфере: оно имеет здесь значение «самых понятных, удобных для восприятия и осмысления».

Но предпочтенье отдаю простому –
Природному. Работа, что сложна,
Принадлежит, по существу, содому [9]

В этом контексте, в оппозиции с антонимом *сложна* (работа), прилагательное *простой* сохраняет то же ментальное значение: *простой* означает «ясный», *сложный* означает «необоснованно путаный, мудреный».

Однако в том же стихотворении встречаем словосочетание «*простых семейных драм*», где *простых* означает «обычных», т. е. утрачивается ментальная семантика. Несколько другое, но также нементальное значение слово развивает в следующих строках:

Ах, нет лекарств целебней лдяных рос
И средств простейших лучше [9]

Здесь на основании смысла фрагмента прилагательное *простейших* имеет значение «базовых, примитивных».

Кроме того, бывает, что сложное сочетание идей в небольшом контексте лишает читателя и исследователя возможности определить наверняка, какой из лексико-семантических вариантов слова имелся в виду автором. Вот еще один отрывок из поэмы «Солнечный дикарь»:

Сирень — простое дерево, Сирень
Бесхитростна, как ты, душа поэта [9].

В данном контексте *простое* может означать как «обычное, ничем не выдающееся», так и выступать синонимом к прилагательному *бесхитростна*, следующему далее. В первом случае лексема не будет являться ментальной. Если же допустить, что автор с большей вероятности имел в виду второй ЛСВ, то характеристики, даваемые в стихотворении сирени, выстраиваются в градацию, раскрывающие ее образ: *простота* в значении «наивность» => отсутствие хитрости => сходство с душой поэта. При таком толковании прилагательное *простое*, относясь к дереву, является олицетворением, так как наделяет дерево ментальными свойствами.

Таким образом, из рассмотренных примеров видно, что обычно многозначные слова выражают в поэтических контекстах свои узуальные значения. Но при этом в ряде случаев невозможно точно определить единственный лексико-семантический вариант, выбранный автором, поскольку каждое слово в стихотворении несет в себе многоуровневую смысловую нагрузку, имеет добавочные ассоциативные, метафорические и символические коннотации.

Ментальной семантикой могут быть наделены не только самостоятельные части речи, но также модальные и служебные слова. Лингвисты отмечают «существование в языке особых междометий и восклицаний, сопровождающих ментальный процесс» [12, с. 606], для обозначения которых введен термин «когнитивные междометия» [10, с. 117]: к ним относятся восклицания, издаваемые субъектом при получении или постижении информации: «А, понял!», «Эврика, догадался», «О, идея» и т. д.

У И. Северянина можно найти много случаев наделения ментальной семантикой модальных слов и слов служебных частей речи. В стихотворении «До первой встречи» (сборник «Очаровательные разочарованья») употреблен фразеологический оборот *видит Бог* [9], который выступает в роли модальной частицы и означает подчеркивание говорящим достоверности его слов (ЛСП *истина*). Другое устойчивое выражение в значении частицы с ментальной семантикой обнаруживается в стихотворении «Стеклопанель» из сборника «Менестрель»: в восклицании «*подумать только, оттенков в море было столько!*» [8, с. 647] оборот *подумать только* имеет в своем составе глагол ментальной сферы *подумать*, а сам фразеологизм передает удивление героини, но не наделен полноценным содержанием в составе предложения. Аналогичным образом модальное значение, отражающее ментальное восприятие, включает в себе вводная конструкция в строке «*Быть может, жизнь несет тот бой с собою*» [8, с. 652] из стихотворения «Терцина-колибри» (сборник «Менестрель»): *быть может* указывает на субъективность фразы, сомнение говорящего. В том же сборнике можно найти пример употребления в ментальном значении предлога *против*: фраза «*все против всех*» [8, с. 645] из стихотворения «Люди ли вы?» означает столкновение мнений.

Наибольший интерес с точки зрения анализа лексики ментальной сферы в идиостиле И. Северянина представляют слова, которые в своих узуальных значениях не предполагают ментальной семантики, однако, попадая в художественное произведение, развивают новые ЛСВ. Некоторые из них не являются авторским открытием И. Северянина и знакомы читателю по другим контекстам. Для иллюстрации таких словоупотреблений назовем следующие словосочетания:

— «*я чувствую, как зреет книга*» («Зреющая книга», сборник «Литавры солнца» [9]) — *зреет* в значении «рождается в мыслях, придумывается»;

— «*тебя чернить он станет подозреваем*» [8, с. 32] — *чернить* в значении «иметь негативное мнение» («Примитивный романс», сборник «Громокипящий кубок»).

В строке «*Имя твое отдаст земляникой*» стихотворения «Имя твое» из сборника «Очаровательные разочарованья» [9] *отдаст* означает «ассоциируется». Значение уточняется за счет синтаксического параллелизма: в другом катрене этого стихотворения находим формулировку «*Имя твое означает победу*», и такое композиционное построение указывает на синонимии предикативов *отдаст* и *означает*.

Интересны и случаи появления у возвратного местоимения *себя* несвойственного ему ментального значения в таких контекстах, когда оно заменяет наименования психической сферы в широком смысле. Речь идет о таких устойчивых оборотах, как *прийти в себя*, где словоформа *в себя* синонимична понятию сознания (эквивалент фразеологизма — *прийти в сознание*); *выйти из себя*, где под формой возвратного местоимения имеется в виду душевное равновесие (синонимичный фразеологизм — *выйти из (душевного) равновесия*); *быть не в себе*, имеющем эквивалент с лексемой ментальной сферы в своем составе — *быть не в своем уме*, т. е. *в себе* означает умонастроение субъекта. Не являясь самодостаточным названием ментальных феноменов, *себя*, как и любое местоименное слово, отсылает к ним в определенных контекстах [10, с. 397]. В поэтическом языке Игоря Северянина также наблюдается такой перенос ментального значения на местоимение. Например, в стихотворении «Отрекшаяся от себя» из сборника «Очаровательные разочарованья» о героине сказано:

Нашла в себе довольно твердости
Представить, что былого нет [9]

Здесь *в себе* означает «в своем характере» и дается отсылка к психической организации героини.

Для некоторых лексем ментальное значение, проявляющееся в поэтическом контексте, оригинально и нетипично. Такие ЛСВ можно считать семантическими неологизмами автора:

— «*тот, кому родня тебя лелеет*» — *лелеет* в значении «прочит, предусматривает» («Солнечным путем», сборник «Очаровательные разочарованья» [9]);

— «*стихи твои пьются, как струи Аи*» — глагольная форма *пьются* имеет значение «воспринимаются» и одновременно представляет собой метафору, указывая на сходство стихов с водами реки («Все ясно заране», сборник «Очаровательные разочарованья» [9]);

— «*благодаря Науке я гремлю*» — *гремлю* в значении «известен» (поэма «Солнечный дикарь» [9]);

— «*благоговейно, вдохновенно, переживая каждый слог*» — *переживая* в значении «осмысливая, осознавая» («Пенье стихов», сборник «Литавры солнца» [9]).

Исследователи отмечают в языке и обратное явление: ментальное по своему словарному значению слово семантически опустошается. В частности, некоторые лингвисты (например, [11; 13]) находят, что в первом лице единственного числа настоящего времени глаголы *мнения* имеют семантику, отличную от прочих форм: «...ментальная лексика в этой форме претерпевает сдвиг в значении, становясь семантически опустошенной, и фактически функционирует в качестве своеобразных модальных показателей достоверности излагаемого» [3, с. 47]. Этот процесс, в самом деле, иногда заметен и в поэтическом языке И. Северянина. В предложении «*Я думаю, для зверя все равно, / Как он живет и как он умирает...*» из утопической эпопеи «Солнечный дикарь» [9] оборот *я думаю* выступает скорее в качестве вводной конструкции, предваряющей

утверждение, нежели реально указывает глаголом *думать* на мысль или мнение лирического героя. Построить такое предположение позволяет расположение данной фразы в финальных строках одного из разделов поэмы, на протяжении которого лирический герой в весьма безапелляционной, аксиоматичной форме излагает суждения, которые затем подытоживает процитированным фрагментом.

Любопытны контекстуальные трансформации семантики глагола *ждать*. В большинстве случаев глагол и производные от него слова наделены ментальным значением. «*В сознаны ожидая смерть*» [8, с. 172] («Осенние мечты», сборник «Златолира»), «*Чего-то жду, кого-то жду... / Так страстно жду весь день...*» [8, с. 268] («Поэза майских дней», сборник «Victoria Regia»), «*Ожидая тщетно выполненья*» («Сказка сиреновой кисти» (пастель), сборник «Громокипящий кубок» [8, с. 73]), «*И ждет душа весну-чарунью*» («Стихи о нужде и достатке», сборник «Литавры солнца» [9]) — в такого рода предложениях *ждать* означает «мысленно представлять предстоящее, опасаясь или, напротив, желая его наступления». Однако сема ментальности исчезает в «Chanson Russe» из сборника «Громокипящий кубок», где глагол употреблен в форме побудительного наклонения с дефисом между повторяющимися частями в составе фразеологической конструкции:

Муж-то старый, муж-то хмурый укатил в село под Тройцу.
Хватит хмелю на неделю, — жди-пожди теперь пропойцу! [8, с. 44]

Отсутствие подлежащего указывает на ментальную нейтральность глагола (отсутствие идеи ожидания со стороны какого-либо конкретного субъекта) и наделение его значением модальности: указание на низкую вероятность, что герой придет домой в течение недели.

Похожая «нементальная» семантика и у формы повелительного наклонения *подожди* в восклицании «*Подожди ж ты, глупый Фертифлюр!*» стихотворения «Заботы Персюльки» из сборника «Очаровательные разочарованья» [9]. В данном обороте глагол означает угрозу со стороны говорящего, но не ожидание как ментальный процесс со стороны адресата.

В строках «*Чего ж ты ждешь, пророк, Илья? / Гречи из всех своих орудий!*» стихотворения «Поэза моих наблюдений» из сборника «Менестрель» [8, с. 646] глагол *ждать* употреблен в значении «медлить», т. е. ментальная семантика заменена здесь семантикой действия.

Глагол *забыть*, входящий на основании узуального значения в ЛСП *память*, также способен утрачивать ментальную семантику в повелительном наклонении: «*Приди ко мне, забудь столицу*» [8, с. 35] («Письмо из усадьбы», сборник «Громокипящий кубок»), «*Откажись, пока не поздно, Ляля, / От меня! Забудь меня, забудь!..*» («Письмо до первой встречи», сборник «Очаровательные разочарованья» [9]). В подобных примерах *забудь* означает в большей степени «брось, оставь», нежели «сотри из памяти», т. е. речь о реальном, а не ментальном действии. В стихотворении «Поэза душевной боли» из сборника «Менестрель» находим строки «*позабыл весь мир о мире надолго или навсегда*» [8, с. 648], где словоформа *позабыл* означает отсутствие мира на Земле в эпоху войн, но не относится к способностям памяти субъектов, наделенных сознанием.

Еще один пример утраты глаголом ментальной семы в контексте возьмем из стихотворения «Секстина XIII» (сборник «Менестрель»):

Чем ты жива, мудрейшая, — о, древность?
Не вспомнив страсть, кто древность воспоет?
Не оттого ль бессмертен твой полет,
Что знала ты любви и страсти гнет? [8, с. 664]

Это обращение лирического героя адресовано древности, т. е. подразумеваемый субъект при глаголе *знать* выражен неодушевленным абстрактным существительным. Глагол *знать*, входящий согласно своему узуальному значению в ядро семантического поля ментальности, в данном случае не будет отнесен даже к периферии поля: он указывает лишь на наличие любви и страсти в древности, но не характеризует отношение древности к этим присущим ей явлениям с ментальной точки зрения.

Выводы

Итак, художественная речь в целом и поэзия в особенности наиболее интенсивно используют лексику ментальной сферы, развивая в контексте новые, часто переносные, значения на основе узуальных. Стихотворения Игоря Северянина в этой связи можно считать показательными, так как в его художественных текстах слова с ментальной семантикой занимают важную позицию: это подтверждается и сформулированными самим автором лозунгами эгофутуризма, и частотным анализом словоупотреблений лексем ментальной сферы в его поэзии.

У полисемичных лексем в ментальное поле могут входить лишь некоторые из их лексико-семантических вариантов, причем в поэтическом контексте не всегда однозначно ясно, какая из сем реализуется.

У некоторых слов семантика меняется в зависимости от грамматической формы, и тогда носителем ментального значения выступает не лексема, а лекса, конкретная контекстуальная словоформа. Так, например, в некоторых контекстах особый семантический статус выделяется у первого лица единственного числа настоящего времени глаголов мнения, и случаи употребления таких словоформ, позволяющие говорить об их нетипичной семантике, обнаруживаются и у И. Северянина.

Поэтический контекст способен наделять ментальной семантикой в том числе служебные слова и вводные конструкции, которые, если обратиться к их узуальному толкованию, вне контекста подобными значениями не наделены. У И. Северянина в некоторых контекстах ментальное значение имеют предлоги, модальная частицы, вводные конструкции.

В поэзии И. Северянина ментальные лексико-семантические варианты реализуются в том числе у лексем, которые ни согласно словарным значениям, ни на основании примеров их общего употребления в речи не наделены ментальными семами. Можно считать такие семантические сдвиги средством художественной образности и авторским открытием Игоря Северянина.

Однако у И. Северянина обнаруживается и обратный процесс: семантическое опустошение слов, которые утрачивают в поэтическом контексте значение ментальности, закрепленное за ними узусом.

Исследования лексики ментальной сферы в поэтических контекстах имеют перспективы и могут быть продолжены как на материале других авторов, так и посредством более детального изучения художественного языка И. Северянина, в частности сопоставления частотности и специфики авторского употребления лексем ментальной сферы в произведениях разных периодов творчества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 *Бондаренко В. Г.* Северянин: “Ваш нежный, ваш единственный...” // Poet-severyanin.ru. URL: <http://www.poet-severyanin.ru/library/severyanin-vash-nezhniy-vash-edinstvenniy.html> (дата обращения: 30.08.2021).
- 2 *Иванова М. В.* Лексика «Жития Стефана Пермского», написанного Епифанием Премудрым: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1987. 64 с.
- 3 *Ильчук Е. В.* Проблемы семантического анализа ментальной лексики: форма 1 лица единственного числа настоящего времени глаголов мнения // Сб. тр. Пятнадцатой междунар. научн. конф. Цивилизация знаний: российские реалии. 2014 г. М.: Российский новый ун-т, 2014. С. 47–49.
- 4 *Кубрякова Е. С., Демьянков В. З.* К проблеме ментальных репрезентаций // Вопросы когнитивной лингвистики. 2007. № 4. С. 8–16.
- 5 Литературная энциклопедия терминов и понятий / гл. ред. А. Н. Николюкин. М.: НПК «Интелвак», 2001. 799 с.
- 6 Национальный корпус русского языка // Ruscorpora.ru. URL: <https://ruscorpora.ru/new/> (дата обращения: 30.08.2021).
- 7 *Ожегов С. И.* Толковый словарь русского языка. М.: Мир и образование, 2017. 1376 с.
- 8 *Северянин И.* Полное собрание сочинений в одном томе / сост. М. Петров. М.: Альфа-книга, 2014. 1241 с.
- 9 *Северянин И.* Сборники стихотворений // Rusilverage.blogspot.com. URL: <https://rusilverage.blogspot.com/2016/10/doc-docx-pdf-rtf-txt-fb2-fb2zip-epub.html> (дата обращения: 30.08.2021).
- 10 Современный русский язык / под ред. В. А. Белошапковой. М.: Альянс, 2011. 800 с.
- 11 *Урмсон Дж.* Парентетические глаголы // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1985. Вып. 16. С. 196–216.
- 12 *Шаронов И. А. А и АГА.* Проблемы описания когнитивных междометий // Понимание в коммуникации. Понимание в коммуникации-2005. Тезисы докладов Междунар. научн. конф. Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Научно-исследовательский вычислительный центр. М.: Изд-во МГУ им. М. В. Ломоносова, 2005. С. 100–101.
- 13 *Шатуновский И. Б.* Семантика предложения и нереферентные слова (значение, коммуникативная перспектива, прагматика). М.: Языки славянской культуры, 1996. 401 с.
- 14 Языковая картина мира и системная лексикография / В. Ю. Апресян, Ю. Д. Апресян, Е. Э. Бабаева, О. Ю. Богуславская, Б. Л. Иомдин, Т. В. Крылова, И. Б. Левонтина, А. В. Санников, Е. В. Урысон; отв. ред Ю. Д. Апресян. М.: Языки славянских культур, 2006. 912 с.
- 15 *Hardy Ch.* Semantic fields and meaning: a bridge between mind and matter // World Futures. 1997. Vol. 48. P. 161–170.
- 16 *Kikiewicz A. K.* Russian mental verbs as a semantic class // Јужнословенски филолог LXXIII. 2017. Св. 3–4. С. 7–28.
- 17 *Moreno I. M.* The mental lexicon: a contrastive analysis of motion verbs in English and Spanish. Cadix: Universidad de Cádiz, 2020. 44 p.
- 18 *Segui J.* Le lexique mental et l'identification des mots écrits: code d'accès et rôle du contexte // Langue française. L'orthographe: perspectives linguistiques et psycholinguistiques. 1992. № 95. P. 69–79.

- 19 *Tüm G.* Intertwinement of mental lexicon and word production in teaching Turkish as a foreign language // African Educational Research Journal. 2020. № 8 (3). P. 145–153.
- 20 *Zock M. et al.* The Mental Lexicon, Blueprint of the Dictionaries of Tomorrow: Cognitive Aspects of the Lexicon // Frontiersin.org. URL: <https://www.frontiersin.org/research-topics/17890/the-mental-lexicon-blueprint-of-the-dictionaries-of-tomorrow-cognitive-aspects-of-the-lexicon#overview> (дата обращения: 30.08.2021).

© 2022. Galina I. Shlyakhova
Moscow, Russia

LEXICO-SEMANTIC SPHERE OF MENTALITY IN POETIC TEXTS OF IGOR SEVERYANIN

Abstract: The paper highlights the development of mental semantics in polysemic words in Igor Severyanin's poetry. The vocabulary of the mental sphere is studied by Russian and foreign scientists, specialists in the field of semantics and related disciplines, since it is through its use that the worldview of nations and their representatives, native speakers, is reflected in language. Frequent use of a word's figurative mental meaning in language makes such a lexico-semantic variant (LSV) commonplace, and leads to the fixation of this new seme in the explanatory dictionary. However, fictional (especially poetic) speech is characterized by greater variability of meanings. Via the author's word use in poems, words that do not have a common mental meaning develop a new semantics existing in a specific context. Severyanin is a poet who assigns an important place to the mental sphere vocabulary in his works, which makes them quite illustrative. Some words that do not have a mental seme according to their dictionary meanings acquire it in context and turn out to be the author's means of artistic expression and semantic neologisms. In a number of other cases, the opposite phenomenon is observed: in the context lexemes lose their usual mental meaning.

Keywords: mental sphere words, lexis, semantics, polysemy, figurative meaning, semantic fields, individual style, linguopoetics, language of fiction, Igor Severyanin.

Information about the author: Galina I. Shliakhova — post-graduate student, Maxim Gorky Institute of Literature and Creative Writing, Tverskoy blvd 25, 123104 Moscow, Russia. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-6618-4074> E-mail: galine_24@mail.ru

Received: May 03, 2021

Approved after reviewing: September 15, 2021

Date of publication: March 28, 2022

For citation: Shliakhova G. I. Lexico-semantic sphere of mentality in poetic texts of Igor Severyanin. *Vestnik slavianskikh kul'tur*, 2022, vol. 63, pp. 208–220. (In Russian) <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2022-63-208-220>

REFERENCES

- 1 Bondarenko V. G. Severyanin: “Vash nezhnyi, vash edinstvennyi...” [Severyanin: “Your tender, your only ...”]. In: *Poet-severyanin.ru*. Available at: <http://www.poet->

- severyanin.ru/library/severyanin-vash-nezhniy-vash-edinstvenniy.html (accessed 30 August 2021). (In Russian)
- 2 Ivanova M. V. *Leksika "Zhitia Stefana Permskogo", napisannogo Epifaniem Premudrym* [Lexicon of the Life of Stephen of Perm, written by Epiphany the Wise: PhD thesis, summary]. Moscow, 1987. 64 p. (In Russian)
- 3 Il'chuk E. V. Problemy semanticheskogo analiza mental'noi leksiki: forma 1 litsa edinstvennogo chisla nastoiashchego vremeni glagolov mneniia [Problems of semantic analysis of mental vocabulary: form of the first person singular of present tense of the opinion verbs]. In: *Sbornik trudov Piatnadtsatoi mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii Tsivilizatsiia znanii: rossiiskie realii. 2014 g.* [Proceedings of the Fifteenth International Scientific Conference The Civilization of Knowledge: Russian Realities]. Moscow, Rossiiskii novyi universitet Publ., 2014, pp. 47–49. (In Russian)
- 4 Kubriakova E. S., Dem'iankov V. Z. K probleme mental'nykh reprezentatsii [On mental representations]. *Voprosy kognitivnoi lingvistiki*, 2007, no 4, pp. 8–16. (In Russian)
- 5 *Literaturnaia entsiklopediia terminov i ponatii* [Literary encyclopedia of terms and concepts], editor-in-chief A. N. Nikoliukin. Moscow, NPK "Intelvak" Publ., 2001. 799 p. (In Russian)
- 6 Natsional'nyi korpus russkogo iazyka [National corpus of the Russian language]. In: *Ruscorpora.ru*. Available at: <https://ruscorpora.ru/new/> (accessed 30 August 2021). (In Russian)
- 7 Ozhegov S. I. *Tolkovyi slovar' russkogo iazyka* [Explanatory dictionary of the Russian language]. Moscow, Mir i obrazovanie Publ., 2017. 1376 p. (In Russian)
- 8 Severianin I. *Polnoe sobranie sochinenii v odnom tome* [Complete Works in one volume], compiled by M. Petrov. Moscow, Al'fa-kniga Publ., 2014. 1241 p. (In Russian)
- 9 Severianin I. Sborniki stikhovorenii [Collections of poems]. In: *Rusilverage.blogspot.com*. Available at: <https://rusilverage.blogspot.com/2016/10/doc-docx-pdf-rtf-txt-fb2-fb2zip-epub.html> (accessed 30 August 2021). (In Russian)
- 10 *Sovremennyi russkii iazyk* [Modern Russian language], edited by V. A. Beloshapkova. Moscow, Al'ianS Publ., 2011. 800 p. (In Russian)
- 11 Urmson Dzh. Parenteticheskie glagoly [Parenthetical verbs]. In: *Novoe v zarubezhnoi lingvistike* [New in foreign linguistics]. Moscow, Progress Publ., 1985, vol. 16, pp. 196–216. (In Russian)
- 12 Sharonov I. A. A i AGA. Problemy opisaniia kognitivnykh mezhdometii [Problems of describing cognitive interjections]. In: *Ponimanie v kommunikatsii. Ponimanie v kommunikatsii-2005. tezisy dokladov Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. Moskovskii gosudarstvennyi universitet im. M. V. Lomonosova, Nauchno-issledovatel'skii vychislitel'nyi tsentr. 2005* [Understanding in communication. Understanding in Communication-2005. Abstracts of the International Scientific Conference Lomonosov Moscow State University, Scientific Research Computing Center. 2015]. Moscow, Izdatel'stvo MGU im. M. V. Lomonosova Publ., pp. 100–101. (In Russian)
- 13 Shatunovskii I. B. *Semantika predlozheniia i nereferentnye slova (znachenie, kommunikativnaia perspektiva, pragmatika)* [Sentence semantics and non-referential words (meaning, communicative perspective, pragmatics)]. Moscow, Iazyki slavianskoi kul'tury Publ., 1996. 401 p. (In Russian)
- 14 *Iazykovaia kartina mira i sistemaia leksikografiia* [Linguistic picture of the world and systemic lexicography], V. Iu. Apresian, Iu. D. Apresian, E. E. Babaeva,

- O. Iu. Boguslavskaja, B. L. Iomdin, T. V. Krylova, I. B. Levontina, A. V. Sannikov, E. V. Uryson; responsible editor Iu. D. Apresian. Moscow, Iazyki slavianskikh kul'tur Publ., 2006. 912 p. (In Russian)
- 15 Hardy Ch. Semantic fields and meaning: a bridge between mind and matter. *World Futures*, 1997, vol. 48, pp. 161–170. (In English)
- 16 Kiklewicz A. K. Russian mental verbs as a semantic class. *Juzhnoslovenski filolog LXXIII*, 2017, no 3–4, pp. 7–28. (In English)
- 17 Moreno I. M. *The mental lexicon: a contrastive analysis of motion verbs in English and Spanish*. Cadix, Universidad de Cádiz, 2020. 44 p. (In English)
- 18 Segui J. Le lexique mental et l'identification des mots écrits: code d'accès et rôle du contexte. *Langue française. L'orthographe: perspectives linguistiques et psycholinguistiques*, 1992, no 95, pp. 69–79. (In English)
- 19 Tım G. Intertwinement of mental lexicon and word production in teaching Turkish as a foreign language. *African Educational Research Journal*, 2020, no 8 (3), pp. 145–153. (In English)
- 20 Zock M. et al. The Mental Lexicon, Blueprint of the Dictionaries of Tomorrow: Cognitive Aspects of the Lexicon. *Frontiersin.org*. Available at: <https://www.frontiersin.org/research-topics/17890/the-mental-lexicon-blueprint-of-the-dictionaries-of-tomorrow-cognitive-aspects-of-the-lexicon#overview> (accessed 30 August 2021). (In English)